

БОРИС ГОДУНОВ КАК НАСЛЕДНИК ПРЕЖНЕЙ ДИНАСТИИ

(об одном аспекте обоснования прав нового государя
на царство в публицистике рубежа XVI–XVII вв.)

17 февраля 1598 г., сразу после того, как истекло время «сорочин» по «святоцарю» Федору, Земский собор впервые в русской истории избрал государя на опустевший престол. Четыре дня спустя Борис Годунов — шурин «миропреподобного» самодержца, правивший страной уже свыше десятилетия, — согласился принять скипетр, и 3 сентября того же года был коронован патриархом Иовом.

Важной составной частью избирательной кампании «Большого» Годунова¹ являлось обоснование его прав на трон.² Но в историографии редко принималось во внимание или, по меньшей мере, недооценивалось то обстоятельство, что многочисленные приверженцы «государева ближнего слуги и конюшего» старались представить его продолжателем «Калитина племени».

Борис Годунов вместо того, — думалось В. О. Ключевскому, — чтобы «держаться за свое значение земского избранника ...», ста-

---

¹ Так определяется царь Борис в старшей разновидности Сибирского летописного свода. См.: ПСРЛ. Т. 36. М., 1987. С. 140.

² См., например: Шмыкова М. Л. Избирательная кампания 1598 года и обоснование прав Бориса Годунова на престол // Вестник Удмуртского университета. 2005. № 7. С. 140–144.

рался пристроиться к старой династии по вымышленным завещательным распоряжениям», о которых известно из редактировавшегося Иовом так называемого Соборного определения.³ Там сказано, что умирая, «преблаженный» Федор Иванович оставил трон брату царицы Ирины. Согласно же «Утверженной грамоте» (далее — УГ) «избирательного» Земского собора, еще Грозный перед смертью вверил своих близких и страну заботам Бориса.⁴ Воля («приказ») Федора Ивановича объявляется источником верховной власти, полученной Годуновым (который был «первее средороден и средочинен»⁵), и в дипломатической документации его царствования, а также в наказах воеводам и письменным головам, отправленным в Тобольск и Сургут вскоре после коронации «срабного» в глазах Ивана Тимофеева государя.⁶ О том, что накануне кончины «державный Феодор» «приказал правити» Московское государство своему шурину, читаем и в Соловецком летописце одной из старших редакций.⁷ В «Повести о честнем житии» Федора Ивановича, написанной Иовом, говорится о том, что в награду за раз-

³ Ключевский В. О. Сочинения в 9 т. Т. 3. М., 1988. С. 28.

⁴ См.: Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1981. С. 130, 133, 134, 140, 146, 147; Шмыкова М. Л. Избирательная кампания... С. 140–144.

⁵ См.: Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 56.

⁶ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (далее — ПДС). Т. 2. СПб., 1852. С. 665, 675; Сборник РИО. Т. 38. СПб., 1883. С. 286–287, 311, 374–375, 401; Т. 137. М., 1912. С. 39; Оглоблин Н. Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 4. М., 1901. С. 126, 130. По версии одного из посольских наказов, Федор Иванович завещал трон Борису и его сестре (Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам). М., 1976. С. 368).

В 1601 г. русские дипломаты должны были заявить в Речи Посполитой, что Борис Федорович получил «царскую степень» «от прародителей великих государей наших царей российских» (Савва В. Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901. С. 358). По словам одного псковского летописца, Борис «воцарился на своей вотчине, Русской земле» (ПСРЛ. Т. 4. СПб., 1848. С. 345).

⁷ Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. // ЛХ. 1980 г. М., 1981. С. 242. См. также: Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 41.

гром крымцев под Москвой летом 1591 г. «крестоносный» венценосец «златокваную чепь, ея же ношаше в почесть великого своего самодержавнаго царствия, ... возлагает на выю достохвалному своему воеводе Борису Федоровичю, ... сим ... на немь прообразуя царского своего достояния по себе восприятия», и «не по мнозех летех царское его на семь пророчество совершиися».⁸ Тем самым произошло «символическое наследование» трона.⁹

Судя по УГ, божественное «предызбранничество» Бориса проявилось в особом благоволении к нему Ивана IV и сменившего его на троне Федора, что ставило нового царя в один ряд с прирожденными государями.¹⁰

Некоторым современникам представлялось, будто Федор Иванович завещал власть двоюродному брату, Ф. Н. Юрьеву (Романову), или его сыну Михаилу (которому было суждено стать основателем новой династии).¹¹ Существование таких версий, хотя они едва ли достоверны, — свидетельство значимости распоряжений о наследовании престола для русских публицистов первой трети XVII в. (В глазах В. Г. Воиной-Лебедевой мысль о завещании трона «пресветлым и праведным» Федором Ивановичем¹² старшему

---

⁸ ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 15. Золотая шейная цепь считалась и высшей боевой наградой, см.: Яковлева О. А. Боевые награды Ивана Грозного и сына его царевича Ивана (к истории ливонской войны 1577 года) // Записки НИИ при Совете министров Мордовской АССР. Саранск, 1952. С. 238–240.

⁹ Шмыкова М. Л. Избирательная кампания... С. 140, 144. В возложении Федором Ивановичем на Бориса золотой цепи усматривали действие Святого Духа (Антонов Д. И. Смута в культуре средневековой Руси. Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М., 2009. С. 146–148).

Кстати, патриарх Игнатий собирался «чепь злату Манамахову» возложить на Марину Мнишек при ее коронации (Ульяновский В. Смутное время. М., 2006. С. 249, 255).

¹⁰ Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 221.

¹¹ Зимин А. А. В канун грозных потрясений. Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 212–214. Ср.: С. 216–217, 220; Павлов А. П. Государев двор... С. 58; Перри М. Избранный царь и прирожденные государи: Михаил Романов и его соперники // Государство и общество в России XV — начала XX века. Сб. статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 237–238, 246 и др. См. также: ЧОИДР. 1847. № 2. Отд. III. С. 7.

¹² Так он определяется в «избирательной грамоте» 1613 г. (Козляков В. Смута в России: XVII век. М., 2007. С. 509. Ср.: С. 499, 501, 502, 504, 508). См. также:

«Никитичу» «была гораздо грубее, неправдоподобнее и потому слабее» идеи богоизбранности Михаила Федоровича.¹³ Думается, противопоставлять такие воззрения, как поступила и Е. В. Чистякова,¹⁴ не стоит. Показателем богоизбранности наследника вполне мог считаться выбор государя, принадлежащего к «благородному» (или «праведному», «спасительному») «корени»).

В УГ, а также «разрешительной» грамоте (1607 г.) патриарха Гермогена и «первопрестольника» Иова подчеркнута, что Борис Федорович занял трон по благословению сестры (уже инокини) Александры.¹⁵ Об этом читаем и в появившемся вскоре после коронации «рабоименного» (как считал Иван Тимофеев) государя официального Сказания о смерти Федора Ивановича и воцарении его преемника.¹⁶ Про вступление Бориса на престол по благословению овдовевшей царицы говорится и во многих документах рубежа XVI–XVII вв.¹⁷ Прочитируем и Пискаревский летописец: «вся Русская земля крест целоваше (Ирине Федоровне. — Я. С.) ..., покамест она произволит, кому быть (царем. — Я. С.)»; ей били челом, чтобы вдова «миропреподобного» самодержца «дала брата своего Бориса на престол Русийскаго государства», и старица Александра «уклонишася на моление всего православнаго христианства, благословила и повелела прияти скипетр Руские державы, и нар[е]кла его царем и великим князем всему православному христи-

---

ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 195–196; РНБ, собр. СПбДА. № 305/1. Л. 391 об.; Фет Е. А. Прологи в собрании Пушкинского дома // ТОДРЛ. Т. 34. Л., 1979. С. 361.

¹³ Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец: история текста. СПб., 2004. С. 326.

¹⁴ См.: Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...»: Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М., 1988. С. 32.

¹⁵ ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. С. 1, 2, 20, 24, 26, 27, 33, 38, 55, 56, 58, 151–152.

¹⁶ Буганов В. И. Сказание о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова (Записи в разрядной книге) // ЗОР. Вып. 19. М., 1957. С. 176–180, 182.

¹⁷ ПДС. Т. 2. С. 665, 675; Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. М., 1889. С. 338–339; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 2. СПб., 1892. С. 55; РИБ. Т. 16. СПб., 1897. С. 312–315, 331; Сборник РИО. Т. 137. С. 39; Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 2. Вып. 1. М., 1976. С. 134; Скрынников Р. Г. Россия... С. 136, 146.

янству».¹⁸ Как сообщается в так называемом Московском летописце, вдова Федора Ивановича едва благословила брата на царство.¹⁹ О том, что от нее добивались «поставления» Бориса «во главу всем людям», упомянуто и в Тимофеевском Временнике.²⁰ В «проромановском» Новом летописце (далее — НЛ) тоже не скрывается, что Иов «усоборова» со всеми «молити и просити у великой государыни Александры, чтоб их государыня пожаловала, дала им на царство брата своего Бориса Федоровича», и с трудом ее «умолиша, и повеле брату своему на царстве быти».²¹

Примечательно, что во многих источниках идет речь о наследовании престола Грозным, Федором Ивановичем, Федором Борисовичем по отцовскому благословению или повелению.²²

В царствование Михаила Федоровича, видимо, старались не вспоминать, что Борис Годунов сделался преемником «святым сопричасного» государя с его санкции. К примеру, Иван Тимофеев, изображавший Федора хранителем «высшей божественной и царской мудрости»,²³ вряд ли мог допустить, что он благословил «прелуко-

---

¹⁸ ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 198, 201. Если верить Поволжскому летописцу начала XVII в., Борис Федорович воцарился по прошению сестры и «всей земли» (*Корецкий В. И., Морозов Б. Н.* Летописец с новыми известиями XVI — начала XVII в. // ЛХ. 1984 г. М., 1984. С. 216).

¹⁹ ПСРЛ. Т. 34. С. 235–236. Ср.: С. 221. См. также: *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986. С. 34–35.

²⁰ Временник Ивана Тимофеева. С. 55.

²¹ ПСРЛ. Т. 14. С. 50. Представление, будто в НЛ Борис «изображается как коварный властолюбец, руками которого действовал сам дьявол» (*Майзульс М. Р.* «Грех ради наших»: царская смерть и казни божьи в источниках Московской Руси середины XVII в. // Источниковедение культуры: Альманах. Вып. 1. М., 2007. С. 183), по меньшей мере, односторонне.

²² См.: ААЭ. Т. 2. С. 54, 55, 86, 87, 104, 151; ПСРЛ. Т. 34. С. 22, 166, 231; Т. 36. С. 61; Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. М., 1985. С. 36, 38. Ср.: С. 358; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. С. 104; *Корецкий В. И.* История русского летописания... С. 49–50; *Ульяновский В.* Смутное время. С. 45–47, 55, 84 и др.

Лжедмитрий I, кстати (подобно Федору Борисовичу), уверял, будто его вступить на престол благословила и мать (*Ульяновский В.* Смутное время. С. 346).

²³ *Корецкий В. И.* История русского летописания... С. 210.

вого» «пестуна» одеться «превсесветлаго благолепия порфирию». (Дьяк утверждал, что «святопомазанный» «мирообладатель» «безглавно» и «ненаследованно отеческо по себе царство оставль»²⁴).

Вопрос, успел ли и как решить Федор Иванович судьбу трона, издавна является спорным. Н. М. Карамзин, ссылаясь на известие НЛ — «о том у нас (царя и царицы. — Я. С.) уложено», считал, что по завещанию «благоюродливаго» «властодержца» престол достался Ирине.²⁵ С точки зрения С. М. Соловьева, Федор Иванович оставил трон жене, но не вручил ей скипетр.²⁶ Н. И. Костомаров, признав выдумками обе версии насчет последней воли «освятованного» государя, встречающиеся в УГ, — относительно и правителя, и «мнихоцарицы», — допускал, что Федор передал власть Ирине, а это «значило прямо» уступить престол Борису.²⁷ С. Ф. Платонов пришел к выводу, что она являлась соправительницей мужа, который, умирая, по свидетельству Иова,²⁸ и оставил ей «скипетродержавство».²⁹ А. А. Зимин находил естественным «переход власти» к Ирине «как вдове бездетного монарха», рассчитывавшей, когда принимала постриг, «что ее на престоле заменит брат».³⁰ По заключению же Р. Г. Скрынникова, Федор Иванович не оставил завещания, передав вопрос о судьбе трона на волю бога. Версия о том, что Ирина стала преемницей мужа, казалась видному историку легендарной.³¹

²⁴ Временник Ивана Тимофеева. С. 27, 80. Ср.: ПСРЛ. Т. 34. С. 238.

²⁵ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Кн. 3. Т. 10. М., 1989. С. 125, 127; Примеч. 370.

²⁶ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 4. М., 1989. С. 335–336, 346.

²⁷ Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия: 1604–1613. М., 1994. С. 21, 22.

²⁸ См.: ПСРЛ. Т. 14. С. 19. Ср.: С. 19.

²⁹ Платонов С. Ф. 1) Лекции по русской истории. СПб., 1997. С. 265–266; 2) Смутное время. СПб., 2001. С. 299–300, 380, 381 и др. См. также: Морозова Л. Е. Федор Иванович // ВИ. 1997. № 2. С. 69; Исторический лексикон: XIV–XVI века. Кн. 2. М., 2004. С. 572.

³⁰ Зимин А. А. В канун грозных потрясений. С. 215.

³¹ Скрынников Р. Г. 1) Борис Годунов. М., 1978. С. 106; 2) Россия... С. 125, 199. Примеч. 24; 3) Борис Годунов. М., 2003. С. 214. Ср.: Бестужев-Рюмин К. Обзор событий от смерти Иоанна Васильевича до избрания на престол Михаила Феодоровича Романова (Глава X из «Русской Истории») // ЖМНП.

В сохранным «разрядами» Сказании о смерти Федора Ивановича и воцарении Бориса читаем о том, что оставшаяся вдовой царица постриглась в монахини по приказу «святонаставшего в предиподобии и правде» государя.³² Вряд ли этот приказ можно отождествлять с тем завещанием, о котором говорится в НЛ. Судя по употребленному там выражению «уложено», скорее всего, имелась в виду не устная договоренность, а документально оформленная.³³ Соображения А. Л. Юрганова относительно «духовных» Василия III и его старшего сына³⁴ наводят на мысль, что Федор Ива-

---

1887. № 7. Отд. 2. С. 83; Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 563.

По утверждению Р. Г. Скрынникова, об отсутствии завещания Федора Ивановича известно из источников неофициального происхождения (*Лихачев Д. С., Вагнер Г. К., Вздорнов Г. И., Скрынников Р. Г.* Великая Русь: история и художественная культура. X–XVII века. М., 1994. С. 409). Но такая оценка НЛ и Сказания о московских событиях 1598 г. должна считаться неверной.

³² *Буганов В. И.* Сказание... С. 174, 176. Приведенную оценку Федора Ивановича мы находим у Ивана Тимофеева (Временник Ивана Тимофеева. С. 26. Ср.: С. 46–47).

³³ Ср.: *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Кн. 3. Т. 9. М., 1989. Примеч. 87, 94; ААЭ. Т. 2. С. 46; Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1894. Отд. 3. С. 394; *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 242; *Шаскольский И. П.* Столбовский мир и торговые отношения России со Шведским государством. М.; Л., 1964. С. 74. Примеч. 177; *Поршнев Б. Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. С. 383; ПСРЛ. Т. 34. С. 185; *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец конца XVI в. С. 241; *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 112; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. Л., 1986. С. 38, 56, 58, 62, 69, 75, 79; Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 204; Россия и греческий мир в XVI веке: В 2 т. Т. 1. М., 2004. С. 265; Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). Казань, 2006. С. 143; РНБ, собр. Соловецкого монастыря. № 852/962. Л. 124; Архив СПбИИ РАН. К. 36. Оп. 1. № 680. Л. 7 об.

³⁴ См.: *Юрганов А. Л.* О дате написания завещания Ивана Грозного // ОИ. 1993. № 6. С. 125–141. Взгляд, что, начиная с царствования Федора Ивановича, приговоры Земского собора не раз заменяли царские завещания (*Ключевский В. О.* Сочинения в 9 т. Т. 2. М., 1988. С. 368–369; Т. 3. С. 76), кажется нам явным преувеличением.

нович, следуя давней традиции, тоже оставил завещание (возможно, погибшее в московском пожаре 1611 или 1626 г.). Это «уложение», не исключено, предусматривало переход власти вначале к Ирине, а затем, после того, как она примет постриг, — к ее прослывшему «изрядным правителем» брату, т. е. «сценарий» политического развития, который весьма безболезненно и был реализован.

Известно, что вернувшись в Москву из Новодевичьего монастыря 26 февраля 1598 г., новый царь поклонился в Архангельском соборе усыпальницам Грозного и Федора Ивановича, и, тем самым, «объявил о преемственности старой и новой династии».³⁵ Как стремление подчеркнуть эту преемственность современники могли расценить и чеканку Борисом Федоровичем вплоть до своей коронации монет с именем «освященного» государя.³⁶ 8 июня 1598 и 7 января 1599 гг. — к годовщинам рождения и кончины Федора Ивановича — по нему новым царем были сделаны щедрые вклады.³⁷ Борис продолжал начатое при его предшественнике, а то и Грозном, сооружение как многим святым и строительство храмов над мощами этих чудотворцев.³⁸ Недаром проницательному Авраамии Палицыну Борис Годунов виделся непосредственным преемником «святого» царя Федора.³⁹

По мнению А. В. Каравашкина (подчеркивающего, что в русском политико-правовом сознании XV–XVI вв. доминировал принцип «непрерывности наследственного характера власти московских государей», имевшей «сакральный характер», а наследствен-

³⁵ Шмыкова М. Л. Избирательная кампания... С. 142–143.

³⁶ Мельникова А. С. 1) Монеты Бориса Федоровича Годунова // Нумизматика и эпиграфика. Т. 15. М., 1989. С. 152; 2) Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. История русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М., 1989. С. 68.

³⁷ См.: Ульяновский В. Смутное время. С. 19.

³⁸ Там же. С. 20. Известно также, что разрешение на основание (около 1600 г.) воронежского монастыря Успения Богородицы было получено строителем Александром в царствование Федора Ивановича (Глазьев В. Н. Страницы ранней церковной и монастырской истории города Воронежа и Воронежского уезда // Церковь и ее деятели в истории России. Вып. 2. Воронеж, 2001. С. 51–52).

³⁹ См.: Солодкин Я. Г. Признавался ли Борис Годунов современниками законным государем? // ОФР. Вып. 7. М., 2003. С. 122.

ная передача трона являлась достаточным признаком истинного венценосца), с кончиной последнего представителя рода Калиты «прерывается сама историческая преемственность».⁴⁰ В оценке М. Перри «принцип престолонаследия, основанный на родстве, был самым важным залогом легитимности русского правителя в начале XVII в.».⁴¹ Как видим, эти суждения не вполне точны. На взгляд авторов ряда публицистических сочинений, появившихся вслед за «избирательным» собором 1598 г., признаком легитимности государя является и воля его предшественника. Этот собор был призван санкционировать выбор «святожительного» Федора подобно тому, как созданное весной 1584 г. общегосударственное представительное собрание одобрило кандидатуру нового царя, названную, очевидно, в завещании его «гордаяростного» отца. Следует отклонить и заключение, будто власть Бориса Федоровича не держалась «на традиционной идее династичности».⁴² Правитель, «единокровным союзом ближайший» к «благому» Федору Ивановичу,⁴³ надев корону, постарался соединить пресекшийся

---

⁴⁰ *Каравашкин А. В.* Идея преемственности власти в России XVI — первой трети XVII вв. // *Российская монархия: вопросы истории и теории.* Воронеж, 1998. С. 27–30. М. С. Киселева полагает, что в представлениях русских книжников власть Борису досталась не от бога, ибо «передана не по наследству». Но тогда, как отмечается самой исследовательницей, «возникает соблазн сохранить, „восстановить“ привычный ход времен» (*Киселева М. С.* Учение книжников. Текст и контекст древнерусской книжности. М., 2000. С. 180).

⁴¹ *Перри М.* Избранный царь... С. 246. Ср.: *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. 3. С. 61.

⁴² *Ульяновский В.* Смутное время. С. 8. Отнюдь не бесспорно и утверждение о том, что преемник Федора Ивановича «лишь «внешне» мог считаться богоданным царем» (Там же. С. 410. Примеч. 2. Ср.: С. 183, 337).

⁴³ Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI — начало XVII века. С. 360. Любопытно, что «пожалованием» Федора Ивановича и конюшего Бориса Годунова был изготовлен колокол для новгородского Духова монастыря (*Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб., 2001. С. 413).

По убеждению Р. Г. Скрынникова, Борис «не имел никаких прав на престол, что и побудило его составить» УГ (*Скрынников Р. Г.* 1) Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. Л., 1988. С. 43. Ср.: 2) Россия... С. 129). Достаточно вспомнить о такой же грамоте Земского собора 1613 г., чтобы оспорить эту мысль. К тому же после смерти Федора Ивановича «государево обирание» осуществлялось фактически впервые, а его шурин и «ближний приятель», долго правивший страной, имел звания слуги и конюшего.

«стебель» «царского семени» (древний «корень» «поколенства царей») ⁴⁴ и собственный род, тем более что еще до вступления на трон готовил сына Федора к роли своего преемника.

---

⁴⁴ См.: Временник Ивана Тимофеева. С. 10–11, 28, 32, 51, 152, 164. Ср.: ААЭ. Т. 2. С. 253.

Кажется сомнительным взгляд, будто у прежнего «великого князя» Симеона Бекбулатовича, доводившегося двоюродным братом Федору Ивановичу, «имелось значительно больше прав на шапку Мономаха», чем у Бориса Годунова (*Беляков А. В.* Чингисиды в Смуту // Мининские чтения: Труды участников междунаро. науч. конф. Нижний Новгород, 2010. С. 59). После изысканий А. П. Павлова натяжкой может считаться и часто высказывавшаяся мысль о предпочтительности шансов Романовых (в первую очередь Федора Никитича), нежели «многославного» Бориса, занять трон с кончиной наследника Грозного.